

ЛАБАНОВИЧ ДАНИИЛ

ЧЕЛОВЕК С ЧЕРНОГО БЕРЕГА

Даниил Лабанович
Человек с черного берега

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25911467

ISBN 9785448563881

Аннотация

Как поймать человека без лица? А как словить человека, живущего вечно? И что делать, если это один и тот же человек? Да и вообще, является ли вечная жизнь преступлением? На все эти вопросы и стремится ответить главный герой, но его попыткам суждено растянуться на долгие годы.

Содержание

Пролог	5
Лето	11
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Человек с черного берега

Даниил Лабанович

Дизайнер обложки Валентина Гредина

© Даниил Лабанович, 2017

© Валентина Гредина, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-6388-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Утро. Лучи солнечного света уже давненько подкрадывались к комнате, но теперь они вышли на новый уровень: полноценные «атаки» объектов внутри четырёх стен. Все не было таким страшным вплоть до того момента, пока эти солнечные злодеи не вышли на голову мальчика, спящего на кровати, тем самым покушаясь на одну из самых сокровенных вещей в жизни – здоровый юношеский сон. И вот, спустя некоторое время, тотальное поражение сновидений наступило.

Мальчик вот уже минуту как просто разглядывал комнату. Была середина лета, ввиду чего юноша уже не особо ценил, что он выспавшийся, хотя накануне лег довольно поздно, за что стоит благодарить компьютер. Мальчишка не придавал значения тому, что, проснувшись, ему не нужно никуда спешить, а особенно идти в школу. Нет, он просто разглядывал комнату, причём обнаружил, что хотя и сама идея изучать помещение, в котором пребываешь довольно длительное время, весьма глупа, на деле же оказывается, что множество занимательных вещей в родных четырёх стенах из-под его взора настырно воровали то рутину, то ярое стремление выбраться из дома на улицу.

Примером этих «занимательных вещей» может служить старый пылесос, перекочевавший внезапно для владельца

комнаты в угол его маленького царства (не без помощи родителей, разумеется). Оказывается, что часть старых игрушек лежит не в коробке, для них предназначенной, а на верхней полке. Впрочем, обдумав это, мальчик понял, что она является местом, где складываются кандидаты для передачи другим юным лицам, так как ребёнок уже перерос эти забавы. В его семье всегда был принцип: «Тебе не нужно – дай другому», поэтому многие вещи мальчишки переходили в руки детей его дядей, тётей и просто хороших друзей семейства. К сожалению для всех членов семьи ребёнка, это не распространялось на его старый упомянутый пылесос, ибо уж слишком это изделие было вне своего времени.

Кстати о времени, ребёнок – человек серьёзный, а значит у него много дел и мало свободных минут. Повалевшись ещё немного, он приступил к череде важных дел. Сначала умыться, привести себя в порядок, что у ребят, как правило, много времени не занимает. Потом завтрак, что можно было бы и обедом назвать, так как шёл уже первый час после полудня, но юноша любил английский язык и вообще с детства был одарён неплохим умом, а потому в своей голове пометил это как «ланч».

Дома никого не было. Видимо родители решили прогуляться в этот жаркий июльский день. Мальчику даже стало немного обидно, что он оказался за бортом, а точнее – на кровати. Он любил гулять с родителями: благодаря отцу это бывало довольно весело, а благодаря маме – довольно

вкусно, ведь как не купить деточке что-нибудь сладенькое. Впрочем, несмотря на любовь мамы к трапезам, юноша был довольно спортивного телосложения. За это стоит благодарить его уличную жизнь и времяпрепровождение со своей «бандой».

Как только мальчик закончил есть, пришли родители. Причём они принесли повод для появления искры в глазах мальчика – новый выпуск журнала «Время прогресса». Ребёнок вот уже год не пропускал ни одного номера, о чём был прекрасно осведомлён отец – на его имя была оформлена подписка на этот журнал. У мальчика появился выбор: либо сейчас читать, и тогда придётся отпустить «банду» в вольное плавание, либо сейчас выходить на улицу и читать уже ночью или завтра. Варианты развития событий были именно такими, так как вечером семья мальчишки в полном составе идёт в гости, а там не считаешь, потому что в том семействе двое девятилетних детей и они всегда горят желанием проводить своё время с более старшим товарищем. Для них наш юноша был вообще практически взрослым: 12 лет – это же ещё чуть-чуть и вообще подросток!

Рассуждая об этом, мальчишка держал в руках свежее печатное изделие и бродил по комнате. Затем было решено пойти к родителям, послушать, что они скажут. Да и вдруг что-нибудь полезное удастся получить. Например, разрешат вечером никуда не идти! У мальчика загорелись глаза от такой перспективы. Только, конечно, не самому спрашивать,

ибо он же всё-таки не ребёнок, а просто постоять, рядом держа журнал, и если уж обратят внимание, то тогда так и быть.

Парнишка нашёл родителей на кухне. Выходной день ощущался сполна, хотя его мама с папой редко когда были уж очень хмурые, по крайней мере, потраченных десяти секунд на воспоминание подобного юной голове не хватило, чтобы достичь успеха. В данный момент женщина искала какие-то приправы и рассказывала что-то о своих подружках, а мужчина периодически щипал её и, комментируя, слушал. Обратив внимание на сына, отец, не переставая улыбаться, спросил:

– Как журнал? Интересный выпуск?

– Там все выпуски интересные, да? – обратившись к сыну, мама втиснулась в беседу.

– Ну, я не читал ещё, – с долей неловкости обронил мальчик.

Сев за кухонный стол и глядя на юношу, отец произнес:

– Чего так?

– Не уверен, что время есть. Ребята на улице ждут, а вечером мы в гости идём, там почитать не выйдет.

– Так почитай, когда вернёмся, – мама вновь обозначила своё присутствие.

– Придём-то мы поздно, скорее всего, а вставать рано.

– Деловой подход, – прокомментировал отец логику сына.

Женщина усмехнулась, а мальчик молча ждал полного ответа. И дождался:

– Ну что ж, коль с друзьями уже назначено, то сейчас конечно лучше идти. А так, мы придём к десяти, мне самому эти походы нелегко даются, но твоя мама очень любит, когда мы куда-то выбираемся всей семьёй, особенно когда это связано с общением, так что двое мужчин сегодня утешат старушку.

– Ой-ой-ой, – с улыбкой и полным удовлетворением прозвучал женский голос.

Ребёнок сам слегка покраснел, когда его назвали этим большим и серьёзным «мужчина». Это было, конечно, уже не в первый раз, но не так часто (особенно из уст папы), чтобы мальчик мог контролировать свою реакцию на подобное обращение. А отец продолжил:

– И тогда ты успеешь и почитать, и выспаться, так как сам знаешь: завтра утром нужно быть как всегда бодрым.

– Ага, – немного удрученно ответил сын. Но это было скорее демонстрационно, ведь юноша всё ещё пребывал в эйфории от ранее сказанных папой слов и был полон решимости разделить это состояние со своей «бандой», посему пошёл на улицу, а глава семейства продолжил общение с женой и пощёлкивал периодически правой рукой. Всё продолжилось в обычном и приятном русле.

И вот уже пол-одиннадцатого ночи, а у мальчика в руках свежий выпуск. Юноша был готов к очередному прочтению от корки до корки за один присест. Журнал рассказывал обо всех достижениях науки за последний месяц. Он насчитывал

порядка 150 страниц с учётом рекламы и сторонней информации. Однако среди множества статей была одна, рассказывающая о том, что учёные смогли транспортировать мозг из одного тела в другое. О том, что всё это очень сложно, дорого и чертовски инновационно. Но только настолько, что от этого открытия нужно отказаться, потому что оно может позволить привилегированным личностям жить значительно дольше, чем другим, если вообще не вечно. Подобное может вызвать сильное негодование в мировом обществе и привести к гражданским войнам в прогрессирующих странах. Поэтому было решено отказаться от этого раз и навсегда.

Статья очень зацепила юношу. У него в голове было два вопроса:

– Как от этого можно отказаться? Ведь люди уже открыли это знание, причём целая группа учёных, такое же нельзя стереть из памяти.

– Неужели наука может дойти до того, что начнёт приносить вред людям?

Поразмыслив над этим ещё некоторое время и, конечно, не найдя ответов, мальчик вновь отправился в царство сна...

Лето

1

Утро. Комната озарена светом, за что стоит благодарить солнце и дату на календаре: 11 июля 2026 года. Несмотря на то что лето ещё не вступило в свою финальную треть, оно уже успело побить немало температурных рекордов. Но то ли природа проявила милосердие, то ли просто самое сладкое (а в данном случае горячее) было решено оставить на более позднее время суток, – квартира, полная уюта, не была душной. За уют во многом следует благодарить пару, лежащую на кровати, а точнее её женскую половину. Она ещё спала, но вот мужская (в лице одного человека) уже выражала благодарность женской разглядыванием её красивого и сладко посапывающего лица.

«М-да, – думал парень, – она весьма мила, когда спит. Выходит, что у неё вообще нет эмоций, которые бы меня не умилили. Хотя я никогда не видел её в туалете.

На этой мысли он усмехнулся и решил, что в данном моменте их общения реформ не требуется. Но поток мыслей после ёмкого умозаключения не остановился: «Странно, вроде же видимся каждый день уже много лет, но я ни разу не обращал внимания на то, что у неё есть маленькая родинка на шее. Плохая бдительность для следователя, ничего

не скажешь. Но ведь на самом деле я довольно наблюдателен, потому и удивительнее всё это. Казалось бы, рассчитывать увидеть что-то новое на лице своей жены, которую знаешь уже семь лет, очень глупо, но на деле всё иначе. Невероятно».

Но времени на долгие размышления у молодого человека не было: рабочий день начинается чуть меньше, чем через два часа. Несмотря на то что добраться до места работы у парня занимало от силы минут 30—35, бодрым он был с половины шестого утра. И здесь вновь всему виной дата на календаре, ведь сегодня первый день его службы обществу в качестве следователя, а не его помощника, как было пару лет до этого. Хотя и место работы было то же самое, люди вокруг были те же, однако всё же юная голова видела всё иначе. Учёба подошла к концу, и тот факт, что родной дядя не последний человек в прокуратуре, помог с трудоустройством.

Однако парень едва ли относился к этому как к привилегии, ибо они окружали его с самого детства. Любовь родителей и хороший семейный достаток приносили ему множество подарков, которые постепенно всё больше и больше воспринимались как должное. Квинтэссенцией даров стало родительское разрешение не поступать никуда после школы, если нет представления о том, чем хочется заниматься. Правда за это пришлось заплатить годом армии, но парню такая плата казалось очень условной, ведь там не так сурово,

как было в прошлом веке, да и плюс приобретается интересный жизненный опыт.

Но, всё же после года службы в войсках ПВО единственным осознанием стало наличие в мире множества глупцов и воров.

– Впрочем, лучше, чем ничего, – умозаключил тогда молодой человек.

Затем следовали несколько лет размышлений и всякого рода подработок, что в итоге привело к поступлению в 21 год в высшую академию МВД на специальность «Правоохранительная деятельность» с ярым желанием стать следователем. И вот сегодня его мечта станет явью. Как тут спокойно спать?

Молодой человек привел себя в порядок и поглядел на двухлетнее спящее чудо. Его взору попал невиданный до сего момент: большой (формально) палец правой руки водил по другим.

– Твой дедушка будет доволен, когда узнает об этом, – с усмешкой тихо сказал юный отец, но хозяин кровати не посчитал нужным отвлекаться от сна.

Парень мигрировал на кухню. На часах было 6:50, и в голове небольшой ступор из-за вечного вопроса: «И что поесть?» Помощь в поиске ответа пришла сама:

– Забавно, у тебя всегда недоумевающий взгляд, когда ты смотришь в холодильник. Почему?

– Света! Я думал, ты ещё спишь.

– Я проснулась и решила не пропускать момент, когда ты

в первый раз пойдёшь на работу твоей мечты. Так почему?

Взяв её за талию и притащив к открытому холодильнику, он прошептал на ухо:

– Потому что здесь много еды. Она сносит с ног, хочу всего, но если съем всё, то превращусь в колобка, которого придётся выталкивать, и изрекать я буду только «ням-ням-ням», это будет очень печально.

– Ха-ха, это будет очень забавно. Мой муж – колобок. Звучит необычно, – после чего поцеловала его.

Затем она готовила ему яичницу, пока «колобок» приводил личную гигиену в состояние «5+». Позднее наступила трапеза, разбавленная милой и лёгкой беседой. Себе Света ничего не приготовила, ведь муженёк как всегда не съел всё, и доедать будет она. Это было неким негласным правилом в их отношениях и им это нравилось. Присутствие второй половинки рядом лишь ускорило течение времени, но, тем не менее, парень покинул квартиру в 7:20, так что всё было по плану.

2

Как ни странно, но поездка в метро выдалась увлекательной, впрочем, она часто является таковой для любопытных людей, коим и является молодой человек. Он всегда давал себе установку найти что-нибудь необычное. И чем труднее была эта задача, тем сильнее была решимость её выполнить. Но на этот раз битвы с серой суетой и обыденностью не вы-

шло, так как довольно скоро его взгляд пал на пожилого мужчину, читающего газету.

Эта картина навела парня на размышления: «Удивительно, ещё каких-нибудь двадцать лет назад читающий газету человек не вызвал бы никаких эмоций. А сейчас это настолько изжило себя, что кажется уже не просто странным, а нелепым. Мир так быстро движется вперёд, что поспевать за ним – дело непростое».

Потом начался внутренний диалог на тему «Нужно ли его сфотографировать?». При положительном ответе фотографию ждал неминуемый показ всему миру через социальные сети. И несмотря на то, что когда он определился, до прибытия на нужную станцию оставалось секунд 10, парень всё-таки сделал заветную фотографию.

7:58 – Кабинет пуст, если только не брать в расчёт пыль, которой скопилось достаточное количество, чтобы заменить человека.

7:59 – Компанию пыли составила персона, сильно радующая своему своевременному появлению. Первый личный кабинет. Это раньше было коморкой для уборщика, но когда в отделении стало на одного следователя больше, то решили, что для очистительных обязанностей она слишком велика, правда, при этом для профессиональных была весьма мала, но об этом уже никто не думал. Возможно, новый поселенец и пожаловался бы, но в его глазах лучше маленький, но свой кабинет, чем лишь стол в большом и чужом помещении.

Насладившись, он увидел намёк на угрозу его монополии: ещё один стол. Спустя пару минут его раздумий ответ зашёл в кабинет.

– О, Алексей Сергеевич, вы уже на месте, – удивлённо и довольно громко воскликнул незванный гость.

Это покорило молодого человека, ибо удивление в его понимании означало, будто ему чужда пунктуальность, а это не соответствовало истине (по мнению Дорогенского, естественно).

Подойдя и протянув руку, новоиспеченный собеседник продолжил: «Стрелецкий Михаил Иванович, назначен вашим помощником на некоторое время».

После рукопожатия и этих слов мужчина переместился за свой стол. Благодаря площади кабинета, это заняло от силы секунды две.

Люди всегда сначала судят внешность, однако тут молодой человек был краток: «Усы сейчас конечно в моде, но что-то мне подсказывает, что этим уже не один десяток».

– Это немного неожиданно, честно говоря, – скованно произнёс Лёша.

– Ваш дядя решил, что так будет лучше, – осматриваясь, отрезал Михаил Иванович.

– Я так и подумал, что он приложил руку, в принципе, как и к этому кабинету.

– Вы всё верно уловили. Похоже, у нас появился свой Шерлок Холмс.

Лёша понимал, что особого удовольствия его новому напарнику задание от дяди не доставляло. Они хоть за последние два года друг с другом редко пересекались, да всё же юная голова сложила образ этого человека: «Не дурак, но самодур, слегка дебошир, впрочем, знающий понятие „сочувствие“ и умеющий помогать. Где-то слышал, что он как-то приютил Льва Петровича с вахты, пока у того затопление случилось. Причём с семьей! Да ещё и там их залило серьёзно вроде как, так что это дело растянулось на несколько недель».

Михаил Иванович не старался скрывать своего недовольства, специально обращаясь к коллеге исключительно на «вы» язвительным тоном и периодически иронично подмечая какие-либо действия или слова юного следователя. Но Стрелецкий хотел оставить в тайне то, почему именно он сидит напротив Лёши. Только его трясущиеся руки и знание Лёшей характера своего дяди не позволило этому плану реализоваться. Мужик страдал от одной пагубной привычки довольно длительное время, и, видимо, из-за неё совсем недавно сотворил какую-то историю. Возможно, даже благополучно забыв о ней, жалко только начальство не забыло. Молодой коллега решил не концентрировать на этом своё внимание, только лишь отметив куда более важный для него элемент трудовой деятельности.

– Значит, вы в моём подчинении? – будто бы убеждая себя в этом, произнёс юный сыщик.

– А как же? Я без вас никуда! Ни шагу влево, ни шагу вправо.

– Тогда я хотел бы, чтобы сегодня было ваше первое и последнее опоздание.

– Так я же пришёл в десять минут девятого.

– Да, а начинаем мы в восемь, поэтому буду рад видеть вас впредь здесь именно с восьми, а не с 8:10, – убеждение проходило вполне успешно.

Шея Стрелецкого выдала всё напряжение хозяина, однако, несмотря на свои привычки, сила воли у него хоть в каком-то виде да имелась, поэтому в ответ было лишь:

– Что ж, слушаюсь и повинуюсь, товарищ следователь.

Через несколько десятков минут в комнату зашёл глава отдела:

– Дорогенский, Стрелецкий!

– Здравствуйте, товарищ полковник! – ответил Лёша, резко встав перед этим. Его временный помощник не утруждал себя «этой вычурностью» и просто пожал руку «нежданному» гостю.

– Ну, как первый рабочий день? – присев на стол свежего подчинённого, спросил подполковник

– Рано судить ещё, но ничего. Надеюсь не просидеть весь день за бумагами.

– Ха! Рвёшься в бой? – улыбочиво отреагировал Валентин Михайлович. – Похвально! Тогда можешь собираться. Есть для тебя дело.

Восторг Лёши немного подмял Стрелецкий, иронично заявив: «Оперативно», но и то ненадолго: уж больно хотелось парню отправиться на дело в ранге главного следователя – такого опыта у него никогда не было.

– Значит так, – резко включив серьёзный тон, продолжил старший по званию в масштабе этих четырёх стен, трёх шкафов и двух столов. – Труп на берегу озера в парке, что на севере города. Подробности на месте, так что – вперёд.

3

«До чего же это странно. Закрыв глаза, ощущаешь тепло, подаренное ярким солнцем, лёгкий ветерок, колышущий рубашку и волосы, ощущение жизни так и прёт от всего вокруг. Но ты открываешь глаза и видишь труп рыжего парня в спортивном костюме. Один из тех редких случаев, когда не хочется открывать глаза».

Лёша не мог позволить себе долгих размышлений, ибо он тут не за этим. Да и с концентрацией у него всё в порядке, просто парень лишь в третий раз в жизни видит труп и пока что не успел привыкнуть к духу смерти. Впрочем, сейчас он считает, что к этому невозможно привыкнуть.

– Алексей Сергеевич, как будем поступать? С кем мне поговорить? Судмедэкспертом, криминалистом или с той женщиной, что позвонила в полицию? Или у вас для меня другое задание?

– Пожалуй, поговорите с женщиной.

– Будет сделано! – и полный удовлетворения он размашистой походкой отправился выполнять поручение.

Лёша вздохнул от поведения коллеги и пошел за предварительным отчётом к судмедэксперту.

– Здравствуйте, Иван Соломонович! Что вы можете сказать?

– Ох, Лёшенька, поверь мне, я бы мог много чего тебе сказать. И восхититься погодой, и пожаловаться на противный парфюм нашего криминалиста, из-за которого вашему покорному слуге пришлось открыть окно в машине и безнадежно надеяться на то, чтобы не простудиться. Но ты, вполне вероятно, спрашивал о трупe.

– Вы как всегда в точку, – улыбнувшись из уважения, ответил сыщик.

– Что ж, смерть наступила около двух часов ночи, то есть примерно семь часов назад. Предварительно могу сказать, что парень умер из-за удара об этот камень. И седой человек с большими глазами указал на булыжник в полуметре от них. Убедившись, что слушатель посмотрел, продолжил:

– Но вот странно, что по такому сценарию причиной смерти является потеря крови, и тогда здесь всё должно об этом свидетельствовать. Однако, как вы видите (старичок обвёл рукой полукруг): следов её большого количества нет. Увидев смятение в молодых глазах, Иван Соломонович заключил:

– Но как всегда, все точности и подробности в морге.

– Спасибо, я понял, – задумчиво вымолвил следователь.

– Привет дяде передавай.

– Непременно, – не сразу уловив столь резкий переход, ответил парень.

«С одной стороны, любая странность – возможная зацепка для выхода на что-то большее, с другой же, что-то странное есть всегда, если вдуматься. Сыщик должен соблюдать баланс, а это непросто. Только спокойно, не хватало ещё поплыть спустя пять минут после „знакомства“ с обстоятельствами дела».

Под аккомпанемент этих мыслей Лёша аккуратно прошёл немного (всё-таки место преступления, а не просто берег у озера) и оказался около своего давнего приятеля, а может даже и в какой-то степени друга, Никиты Скворцова.

– Здравствуй, Ник! Чем порадуешь? – стараясь выглядеть естественным, начал беседу Лёша.

«Да уж, я думал, что Иван Соломонович брезглив на старости лет, но уж точно не в вопросах обоняния».

– Complimentом фотке, которую выложил час назад. Остальное, к сожалению, едва ли может радовать, – довольно сконцентрировано ответил Никита.

– Ох, да ты вынуждаешь меня краснеть, – моментально ляпнул в ответ следователь, но столь же скоро осознал, что эта реплика не подходит под его стратегию вести себя как суперпрофессионал и большой мальчик и, решив сразу же прекратить неформальность, добавил:

– Не томи.

– Есть три факта. Каждый обладает определённым уровнем странности. Говорить по возрастианию? – изучая друга в новом служебном качестве, спросил криминалист.

– Пожалуй.

– Ну, поехали. Факт первый. Уровень нулевой. Следов необычных нет, на подошве следы песка и до этого асфальта, то есть банально сначала шёл по этой дорожке, – сопроводив указанием, сказал Ник, – а затем сошёл поближе к озеру на песок.

«Почему все указывают на объекты, будто я сам не вижу?»

– Ясно, дальше, – юный сыщик не собирался отказываться от делового образа.

– Я так и думал, что тебя это заинтересует так же, как и выступление наших бейсболистов на ЧМ. Факт второй. Уровень странности 2 из 5. Понимаешь, у него одежда чистая.

– Это плохо?

– Это приятно пахнет, но ты меня не так понял. Она несколько не влажная, в ней нигде нет места поту, ни в районе щек, ни подмышек, ни ляжек – ничего.

– Хм, ну, жертва могла не бегать, а гулять. Также, может, у парня не было склонности к потливости. Или он просто в хорошей форме, и это для него не испытание в физическом плане, – практически сразу парировал герой, преисполненный чувством полного удовлетворения, будто он только что получил у препода-скряги «5» за экзамен.

– По поводу третьего – мимо, ибо он дрыщ, и ноги далеко не спортивные. Со вторым согласен, но это мы установим. А вот насчёт первого. Если он шёл, значит, была маленькая скорость, а он, похоже, умер от того, что на скорости зацепился ногой за этот камень, – на сей раз рука криминалиста показала на булыжник в метрах трёх-четырёх от них, – и ударился вот об этот.

– Можешь не показывать, – отрезал парень.

– Ладно, так вот я понимаю, что такая фортуна выглядит совсем странной, но при ходьбе, то есть при небольшой скорости она является практически невозможной.

– Что-то в этом есть, Никита.

– Ох, да ты вынуждаешь меня краснеть, – с улыбкой ответил криминалист и, получив улыбку в ответ, продолжил. – А теперь вишенка на торте. Третий факт. Уровень 4 из 5. Ты готов, сын мой?

– Давай без явного шутовства.

– Заказ принят. У него одежда чистая.

– Мне казалось, что мы это уже обсудили, – нахмурился брови, отметил Лёша.

– Мы обсудили только часть этого факта. А другая состоит в том, что у него на одежде нет отпечатков пальцев

– В смысле? Никаких? – слегка обескураженно спросил сыщик.

– Зришь в корень, – затем Никита добавил. – Даже обидно немного: в массовом применении технология обнаружения

отпечатков пальцев всего лет семь, такой прорыв, но на этой земле от него толку ноль. Впрочем, инновациям не привыкать здесь умирать.

– Как такое может быть вообще?

– И я не перестаю удивляться.

– Да я об отпечатках, Ник! – возмутился Дорогенский.

– А, есть как минимум одно объяснение, и, как ты сам понимаешь, оно кардинально меняет дело, – и, убедившись в том, что собеседник понял его ход мыслей, криминалист изрёк свою коронную фразу, – но этот навоз уже вам разбирать, товарищ следователь.

Лёша знал, чем чреватые вопросы, связанные с волнующими его темами, на которые нет очевидного ответа. Он погружался в них сполна, пока ответ не находился в его руках, но старался бороться с этим порывом.

«Так, всё, спокойно. Этому есть объяснение, надо лишь найти его. Думай. Нет! Не думай сейчас об этом. Концентрация. Глубокий вдох. Я никуда не спешу, у меня есть время, чтобы разобраться с этим. Фух, так уже лучше».

Обернувшись, он увидел устремлённо и показушной походкой марширующего солдата Стрелецкого. Лёша смотрел на эту шутовскую картину смиренно, хотя в голове уже вырабатывалось отвращение к такому поведению на месте смерти человека. Скворцов же, пересёкшись с 36-летним солдатом, сказал:

– Опять хряпнул с утра, Михаил Иванович?

– Пожалей душу грешную, не юмори! Не переживу такой пытки! – схватившись за сердце воскликнул инфантильный помощник сыщика. – Да, кстати, ты лучше просто напиши на лбу «осторожно: убойный юмор», так людей будешь отпугивать не меньше, чем одеколоном своим, но зато дешевле.

– Неплохо, Михаил, очень даже. Теперь понимаю, когда люди говорят, что водка для них – источник вдохновения, – улыбаясь, парировал Ник.

«Они стоят друг друга, определённо», – резюмировал у себя в голове Лёша.

Пока старший юморист подходил к Дорогенскому, молодой человек вновь успел обратить внимание на его внешность, а точнее телосложение, и умозаключить, что пиво в большом количестве превращает мужчину в будто бы беременного.

– Что можете сказать, Михаил Иванович? – спросил сыщик, когда собеседник пробрался-таки сквозь череду подколов и подошёл.

– По сути ничего. Женщина шла на работу через парк в забегаловку, увидела тело, вызвала полицию, с жертвой не знакома, судимости не имеет. Вроде бы всё.

– Вроде? – не было ни капли намерения расставаться с серьёзностью около трупа.

– Симпатичная ещё, если вам это пригодится, Дюпен¹! –

¹ Огюст Дюпен – литературный персонаж, созданный известным американским писателем Эдгаром Алланом По.

довольствуюсь собой, произнёс Стрелецкий.

– Не густо, однако, – вздохнув, ответил Алексей.

Молодой сыщик немного растерянно поводил взглядом по сторонам, собирая вдохновение на новый поиск чего-нибудь такого, что никто не заметил. Наблюдая за этим удручённым зрелищем, Михаил Иванович не выдержал:

– Слушай, я понимаю, что это твоё первое дело и тебе хочется, чтобы в нём была большая тайна, которую тебе предстоит разгадать, но отбрось ты эти мысли, – для убедительности был сделан взмах рукой, – дело плёвое, тебя потому дядя сюда и направил, чтобы ты втянулся во всё наше мракобесие через простую работу. Парень бежал, споткнулся, упал, ударился, умер. Всё просто. Я уже пробил по базе, он видного места в обществе не занимал, работал штатным сидмином в крупной фирме, так что в этой сфере врагов, способных на убийство, можно исключить. Семья из деревни, здесь только брат-близнец.

– Ему уже сообщили? – резко перебил его юный сыщик.

– Нет ещё, – неудовлетворённо от осознания бессмысленности для Дорогенского всей его речи ответил коллега.

– Вот и хорошо. Я сам, – уверенно ответил парень.

– Ты слышал, что я тебе говорил? – недоумение всё сильнее и сильнее охватывало Стрелецкого.

«Так всё-таки мы на „,,ты““ общаемся».

– Да. Но мне кажется, что твоя версия слишком простая, – на это Стрелецкий уже хотел было отреагировать, и даже

успел открыть рот, но, увидев взмах кисти молодого временного начальства, остановился, – и перед тем, как ты скажешь, что не нужно уходить в дебри и искать то, чего нет, я скажу тебе вот что: кто бегаёт в два часа ночи, это раз, – один палец вышел из кулачной стаи руки сыщика, – плюс у него на одежде вообще нет никаких отпечатков, – счёта на сей раз озвучено не было, но ещё один палец все равно составил компанию первому.

Впервые за столь недолгое сотрудничество Дорогенский увидел серьёзное лицо своего вечно шутовского подчинённого. Молодой человек добавил:

– Мне кажется, здесь не так всё просто, Михаил Иванович.

– Хм, не могу сказать, что солидарен. Но руководите банкетом на правах босса вы, так что и дело ваше. Только не забудьте начальство убедить в необходимости копать в этом утреннем деле о спортивном теле. Отсутствие отпечатков пальцев даёт вам время, но совсем немного, – сказав это, Михаил отправился к машине.

«А, нет. На – ««вы»'».

Затем Дорогенский ещё раз всё осмотрел, но ничего интересного не нашёл и отправился сообщать печальную новость близкому, как географически, так и социально, родственнику.

Оказалось, что брат погибшего, Антонов Семён Павлович, не явился на работу, сообщив по телефону, что заболел, поэтому беседе суждено было состояться дома.

Добравшись до места жительства родственника погибшего, Лёша удивился, что страховые агенты (а именно этим Семён зарабатывал себе на жизнь, как узнал сыщик из базы по дороге) могут так мало получать: уж слишком неприятным был район, не говоря уже о подъезде, дверь в который была открыта. «Ладно там в каком-нибудь 2015 такое было бы, и то не факт. Но в наше время?»

Впрочем, поднимаясь по лестнице, ибо дом был старый и четырёхэтажный, а значит лифт в нём и не подразумевался при строительстве, сыщик увидел смысл в открытой подъездной двери, однако это всё равно не сильно помогало в борьбе с запахом. Найдя нужную квартиру, парень ненадолго остановился.

«Надеюсь, он не впадёт в истерику, хотя реакцию на такие новости никогда не предугадаешь».

Лёша вспомнил, как он в девять лет решил подарить маме цветы на день рождения. Мальчик хотел помпезности, поэтому на большой букет хризантем ушли все бережно отложенные карманные деньги за две недели, и вот довольный собою он вручает пять аккуратно сложенных цветков маме, а та резко берёт и выкидывает их из окна. Оказывается, у неё аллергия на пыльцу, и в этом плане выбор ребёнка был совсем неудачным. И хоть мама сразу после выброса обняла

мальчика и поблагодарила, впечатление осталось с ним надолго.

«Как я мог не замечать, что папа очень редко дарит цветы ей, и то в основном розы, а она к ним совсем близко никогда не подходит, поэтому растения и стоят в вазе на холодильнике? А если бы обратил внимание, то не было бы этого глупого момента. Дурак», – голос маленького мальчика отчётливо звучал в голове.

– И не на такие события реакция тоже не всегда однозначна, – в голос резюмировал Лёша.

Тем не менее, пришлось подарить ушам три звучания работающего дверного звонка, а значит ещё большего парфюмерного наслаждения, перед тем, как глаза юного следователя увидели брата жертвы.

– Семён Павлович Антонов?

Пауза длиною в пять секунд, за которую правая бровь Лёши успела немного приподняться, а в голове появилась идея проверить сходство только что увиденного лица с фотографией в деле, хоть мозг и понимал, что перед ним именно тот, кто нужен.

– Да, это я. А Вы кто? – довольно бегло ответил Антонов.

– Я из полиции. Следователь Дорогенский Алексей Сергеевич. У меня для вас новости и пара вопросов. Но лучше не в дверях об этом, – разглядывая его, сказал Лёша.

– Заходите! – на сей раз реакция была быстрой.

Войдя в квартиру, Дорогенский осознал, что всё-та-

ки с достатком у хозяина апартаментов был полный порядок: весьма комфортабельная, стильная двухкомнатная, но всё же вполне обыденная холостяцкая квартирка, однако благодаря большому количеству всяческого рода сувениров и фотографий она была достаточно уютной. Стоя у кресла, хозяин королевства немых тарелок и носков, скорее всего нестиранных, разбросанных везде, спросил:

– Так по какому вопросу?

«По-деловому проходит встреча», – подумал молодой человек.

– С вашего позволения, я прошу вас присесть.

Квартирант настороженно выполнил просьбу.

«Так, спокойнее. Раз и всё».

Перед глазами Дорогенского появился отец, элегантно щёлкнувший пальцами правой руки.

– Я не буду ходить вокруг да около. Сегодня утром в парке, что на севере города, было найдено тело Вашего брата, – довольно спешно от волнения произнёс сыщик.

Тишина проникла в каждый атом, причём она делала это так властно, что параллельно убивала любую инициативу свергнуть её.

Лёша впервые в своей жизни вёл такую беседу, но после произнесённой фразы он оставил все мысли и переживания по этому поводу за дверью. Сейчас следователь изучал, а в такие моменты он был на вершине комфорта.

«Вот взгляд престал быть точечным, зрачки познали хаос

и никак не могли найти себе место в глазном яблоке. Осознав это, собеседник отталкивается от спинки кресла и наклоняется, закрыв лицо руками. Чёрт, досадно. Однако хорошо, что в такие моменты есть руки, которые закрывая лицо, дарят лёгкое ощущение отречённости ото всех проблем, но и плохо, что они не могут прогнать мента и воскресить умершего брата».

Эти размышления прервал Семён:

– Как это случилось? – говоря это, он уже успел встать и подойти к окну, тем самым лишив следователя львиной доли пищи для наблюдений.

– Из того, что пока установлено, это похоже на несчастный случай. Ваш брат был найден в спортивной экипировке, и смерть наступила примерно в два часа ночи от удара о камень. Скорее всего, он на бегу споткнулся ночью и упал на булыжник.

Конечно, такие подробности редко сразу озвучивают, но Дорогенскому было просто-напросто стыдно говорить, что это несчастный случай, просто так безо всяких деталей, ведь выглядело бы тогда, будто смерть брата совсем мелочна. Ввиду этого он и решил объяснить логику следствия. Но сложно сказать, обратил ли на это внимание брат жертвы.

– И никого не было рядом?! – несмотря на повышенный тон, Антонов всё равно смотрел в окно.

– К сожалению, нет, – в душе всё так же коря себя за простоту этой смерти, ответил Лёша.

– Кошмар, бедный Женя, – прошептал Антонов.

«Такой резкий переход к малому количеству децибел, необычно», – отметил Алексей.

– Я хотел бы задать вам пару вопросов, – спустя несколько секунд продолжил юный следователь, причём не стал ждать реакции, так как уж очень хотелось двигаться дальше.

– Скажите, Вы были близки с братом?

– Да, очень, – как будто по щелчку Антонов взял общую братскую фотографию и снова встал у окна.

– Не заметили вы за ним чего-нибудь необычного в последнее время?

– Нет, – холодно произнёс родственник погибшего.

«И даже не пытаешься вспомнить что-нибудь?»

– Вы уверены? – мысль видоизменилась и приняла словесную форму.

На сей раз была трёхсекундная пауза, затем вздох, после чего:

– Да.

– А у него были близкие кроме вас? – надеясь получить хоть что-то, продолжил Алексей.

– Нет.

– И никакой девушки не было? – тон раздражения начал проскальзывать в словах.

– Последняя была месяца три назад, как вы, наверное, понимаете, этого мало для тесного общения. Да он никогда и не был с ними особо близок, – всё так же глядя в окно,

ответил Антонов.

– Понятно, а как же родители?

– Нет, он с ними мало общался. В нашей семье я был посредником между мамой с папой и ним. У вас ещё много вопросов? – раздражение становилось обоюдным.

– Не очень, – ответил Лёша, хотя на самом деле он многое хотел спросить, но ведь «много» – понятие относительное, а благодаря особенностям людской психологии, лучше задать пять вопросов, сказав: «Не очень», чем два, сказав: «Много», потому как он знал, чем заканчивается явное давление.

– Может у него были какие-то конфликты с другими людьми в последнее время? – Дорогенский не терял надежды.

– Нет, вовсе нет.

– Может с коллегами?

– Насколько мне известно, нет. Ваша пара вопросов ещё не закончилась? Я бы хотел побыть один, – на последней фразе обладатель холостяцкого гнездышка на третьем этаже повернулся и посмотрел в глаза Алексею.

– Совсем чуть-чуть ещё и я уйду. Я понимаю вас, но...

– Нет, вы не понимаете! Если бы вы понимали, вы бы давно уже оставили меня. Как может быть непонятно, что всё, чего я хочу сейчас, так это побыть в одиночестве! – возмутился Антонов.

Это было так внезапно, но парень уже корил себя за своё

бессердечие и выдавил из себя:

– Вы правы, простите.

Они оба начали движение в сторону входной двери. Однако эмоции и мысли в голове сыщика не собирались останавливаться и развивались по следующему сценарию:

– Лёша совсем не ожидал такого поворота, что породило растерянность.

– Затем в следующие доли секунды пришло осознание вины практически в тандеме с самобичеванием.

– Резкое яркое бессмысленное (в данном случае) желание всё исправить.

И вот, передвигаясь по квартире в поиске стройматериалов для полуразрушенного моста со своим собеседником, взор отчаянного искупленца упал на фотографию Семёна Антонова и какой-то девушки на фоне пирамид:

– Были в Египте? – спросил сыщик и разбился вдребезги о дно самоуважения из-за глупости своего вопроса, но внезапно услышал ответ:

– Не доводилось, – глядя на дверь, буркнул Семён.

– А как же это? – указывая пальцем на фотографию на стене, спросил Лёша.

Антонов уставился на фотографию и, как будто пробравшись сквозь туман мыслей, воскликнул:

– Ох, это! Да! Был-был! Я просто задумался!

Этим ответом он занёс в комнату недоумений уютное кресло, посадил туда Лёшу и предложил горячего чаю. Се-

мён отреагировал и ответил так, будто только что пережил все ещё пять секунд назад свежие эмоции для Лёши.

Тем не менее, на выходе из подъезда, сыщик просто поместил этот фрагмент беседы как странный, пытаясь избавиться от мыслей о запахе: «Это же ведь всё-таки подъезд, а не туалет!»

5

– Интересно, у какого-нибудь народа звук чавканья относился к пыткам? – задумчиво произнёс Лёша.

– Чего? – дерзко прервавшись, спросил Стрелецкий.

– Ничего, приятного аппетита, – умиротворённо ответил юный коллега.

И уса́тый компаньон вновь смело кинулся во все места пластиковой коробки, пропитанные мясом из духовки, а как следствие – заботой, вероятнее всего жены, как предположил молодой человек.

Дорогенский же изучал рабочий стол своего компьютера, пока его внимание не привлекла папка с названием «Парень в парке 11.07.2026», что лежала на сервере участка. В ней были фотографии и два аудио-отчёта от судмедэксперта и криминалиста.

«Всё же в нашем веке много чего появляется и далеко не всё хорошее, но эта технология записи аудио, при которой машина записывает всё, что говорит работник, и потом сама

монтирует в одну дорожку, минуя все паузы и тишину – явный актив этого десятилетия».

Похвалив свой век в своей же голове, Лёша приступил к прослушиванию. Никита ничего нового не сообщил, кроме пары шуток мимоходом («Приём-приём, если вы меня слышите, то закажите пиццу кто-нибудь»), но это, конечно, дело не продвинуло. Однако в этот раз мудрая зрелость опередила наглухо юность. Иван Соломонович отметил, что смерть наступила в полвторого, и что характер повреждения больше походит на последствия урона мозга во время попытки прорезать череп чем-то (предположительно лазером), а не из-за удара черепной коробки о камень. Так же было отмечено, что это не 100% заявление, но определённые детали способствуют такому умозаключению.

Услышанное практически убедило Лёшу в том, что это точно не несчастный случай. Единственное, что как клетка сдерживало его птичью мысль от воли, так это отсутствие какой-либо поддержки извне. В попытках обрести её, он обратился к доедавшему плоды газа, плиты и чьего-то труда язвительному коллеге:

– Михаил Иванович, – задорно обратился Лёша.

– Не-а, Эжен Видок², извиняй, – утомлённо ответил Стрелецкий, переживающий отчаянную попытку тушёной кури-

² Эжэн Франсуа Видок (1775 —1857) – французский преступник, ставший впоследствии первым главой Главного управления национальной безопасности, а потом и одним из первых современных частных детективов и «отцом» уголовного розыска в его современном виде.

цы и пюре взять его кишечное судно на абордаж.

– Что? Вы о чём? Я ведь ещё ничего не спросил, – недоумение охватило молодого человека.

– А что мне твои вопросы? Я далеко не последний человек в своём деле. Выстраивать цельную картину из деталей умею, – разложившись насколько это возможно на стуле, заявил не без самолюбования, разумеется, сытый детектив.

– Ох, просветите меня, – с интересом попросил Алексей.

– Ну, всё же просто: обед уже сорок минут как идёт, – этот момент был отдельно выделен поднятым вверх пальцем, – ты ничего не ел, запах вкусотищи заполонил всю комнату, плюс ты пару раз смотрел, как я ем. Вывод очевиден – хочешь попросить поделиться, но не могу, – Стрелецкий сопровождал свои слова хлопком рук, – мне не жалко, ты не подумай, но я уже всё съел, – самоутверждённо разложил всё по питательным полочкам Михаил Иванович.

Вернувшись в беседу и усмехнувшись «прозорливости» собеседника, Лёша сказал:

– Спасибо, что готовы были угостить, но я не голоден. Я к вам по другому вопросу. Вы слушали аудио отчёты?

– До обеда был только Скворцова, его прослушал, – без особых эмоций прозвучал ответ, – пиццу не заказал, – на этих словах промелькнула улыбка под усами.

– Теперь уже есть и Ивана Соломоновича, – надеясь на интерес к этому, произнёс Дорогенский.

– Что-то любопытное? – это прозвучало так же, как звучит

вопрос отцов к своим детям о том, как прошёл детский день, когда сами они с головой погружены в работу или что-нибудь более важное. Например, футбольный матч.

– Пожалуй, да, – будто не заметив интонации вопроса начал сыщик, – он обнаружил вероятность того, что смерть наступила не из-за удара о камень, а ввиду повреждения мозга от лазерного излучения.

– Чего? Зачем кому-то направлять лазер на башку? – ища место для пустой коробки, спросил Михаил Иванович.

– Его версия: чтобы вскрыть череп, – твёрдо ответил Лёша.

Стрелецкий взглянул на своего молодого коллегу:

– Та-ак. Градус безумия растёт. Ну, а это нахрена?

– Не знаю, по этому поводу ничего не сказал, – ответил Алексей, осознавая реакцию человека-стула напротив него. Он уже начинал сомневаться, что ему по силам в чём-либо убедить Михаила Ивановича.

– М-да. Он уверен в этом? – продолжил оппонент.

– Ну-у, нет, вероятность далеко не 100%, честно говоря, – ещё более удрученно прозвучал ответ.

– Ну, значит ясно. Если Соломонович не уверен, то можно не принимать во внимание, – найдя всё же место для коробки в ящике стола, удовлетворённый собой заявил Стрелецкий.

– Почему? – тоном отчаявшегося ребёнка, которого только что лишили каникул, спросил Лёша.

– Ну, для начала потому, что это нелогичный бред. А вообще, если судмедэксперт не гарантирует чего-то, значит этого и нет, так как он должен представлять факты, а в них нельзя сомневаться. Ты же не сомневаешься, что Вторая Мировая закончилась, потому как это факт. А если нет уверенности, значит не факт, а значит на это не обратят внимания ни начальство, ни суд, но до второго вообще дело не дойдёт, – махнув рукой на последних словах, заявил коллега.

– Ну, не знаю, Михаил Иванович, – задумчиво глядя в окно, ответил Лёша.

– Реинкарнация пьяной мисс Марпл³, мы это уже обсуждали пару часов назад. Не начинай. Ты и так уже брата жертвы довёл сегодня, судя по твоему рассказу. Утомонись, я тебя прошу! – положив кисти себе на грудь, высказался старший товарищ.

«У него очень активная жестикуляция. Может, есть итальянские корни? Это бы объяснило такую тягу к усам, а если бы ещё и ел спагетти или лазанью, то считай дело раскрыто».

Михаил вспомнил еще и о пицце, котёл мыслей пополнился.

«Сам, небось, съел, итальяшка».

Но это всё было в голове, в кабинете же Дорогенский ничего не ответил и уставился в монитор.

Каких-то пара часов и вот вместо бумаг, тесного кабинета

³ Мисс Марпл – персонаж детективов Агаты Кристи.

и язвительного коллеги – маленькое чудо: уютная квартира и улыбающаяся жена. Лёша делал вид, что ищет сынишку, и отсутствие результатов приводило последнего в неопиcуемый восторг. В их семье мама больше контактировала с ребёнком, так как не работала постоянно, а лишь иногда переводила тексты разного стиля. Поэтому для мальчика отец всегда был немного более желанным гостем.

Света параллельно рассказывала ему о событиях дня: о том как они сегодня гуляли в парке, как она забыла колбасу прямо на кассе, как приходили какие-то два мужика из ЖЭКа, зачем-то проверяли батареи летом, причём один в соседней комнате всё сделал быстро, а второй при ней сильно медлил, пока не получил замену в лице второго. В итоге второй по сути всё сделал, пока первый просил оценить качество жизни в доме. Мужа это удивило, но он быстро отвлекся: мама позвонила. Конечно, его отец был рядом с ней и слушал их беседу, но Дорогенский-старший никогда не звонил сам. Лёша не знал почему, но всегда в процессе диалога мама передавала трубку главе семейства, чтобы «мальчики могли поболтать». Причём обычно их беседы были продолжительнее, чем у мамы с сыном. В этот раз уложились в стандартные двадцать минут. И вот благодаря теплу, которое исходило от всех членов семьи, время ускорилоcь в сотни раз, и супруг уже был в кровати и вёл беседу с женой, чья голова комфортно приземлилась на его груди:

– Кстати хорошая фотография. Мне понравилась.

– Какая? – с лёгким недоумением поинтересовался Лёша.

– Ну, та, что ты в метро сегодня сделал. Совсем уже старьёй стал, – улыбчиво ответила жена.

«Даже не верится немного, что это сегодня было. Кажется, так давно. Интересно как долго я таким образом буду реагировать на свои дела?»

– Чуть не забыла, я же решила разобрать бардак в кладовке. Вещи, с которыми не знаю, что делать, я положила в коробку. Посмотри завтра. И хотя мы уже это всё обговорили, но я рада, что ты занимаешься тем, что тебе нравится, – нежно сказала Света.

– Это так заметно? – мило уставившись на нее, интересовался муж.

– За киломе-е-е-тр! – вытянув одну руку вперед, ответила жена.

– Ну, значит не быть мне актёром! Не буду играть ни ментов в сериалах, ни героев в крупномасштабных боевиках!

– Не вижу ничего плохого в этом, а то так бы разъезжал по всему свету, – изображая кистью той же руки человечка, бродящего по телу сыщика, размышляла дама.

– Выходит, Света не хочет, чтобы я ездил по свету, – глядя собеседницу по голове, улыбчиво заявил Лёша.

Она посмеялась с каламбура, но, помолчав немного, сказала:

– Лёша, не уходи с головой в работу, ладно? А то мужчины очень любят это делать, – а после шёпотом добавила, –

не отдаляйся от семьи и от того, во что веришь.

– Как ты знаешь, я довольно твёрд в убеждениях, так что не волнуйся, – уверенно и тихо произнёс молодой человек.

– Да, но на твоей работе ты будешь видеть не самые приятные картины.

«В очередной раз она думает о том же, о чём и я. Уже пора реально поискать какой-нибудь прибор телепатический у неё в сумке или шкафу, поводы для этого уже лет пять как имеются».

– И я готов к этому. А насчёт семьи, то Света, ты же свет, а мне некомфортно в темноте, – эта фраза была с ними практически все их отношения и, пожалуй, лучшего момента для неё придумать сложно, – ну, а если говорить про бойца, то всё настолько очевидно, что и говорить нечего. Видела, как прячется хорошо?

Она рассмеялась и поцеловала его, это явно был джек-пот и он сорвал куш её радостных эмоций, что позволило времени снова ускориться, только немного в другом, довольно приятном ключе.

6

«За городом всегда открываются лучшие виды из окна машины. Ещё с поездок с папой на рыбалку заметил это. Так у него и не вышло привить мне любовь к ней, хотя он усердно пытался сделать это с лет восьми. Думал, что я езжу из сим-

патии к этому делу, несмотря на то что мама сразу ему сказала, что я моментально соглашаюсь просто чтобы с ним побыть».

Вспомнив знойный холод по всему телу и веселого отца, травящего истории и пытающегося щелчком попасть в момент, когда рыба-таки согласиться полакомиться наживкой, Лёша улетел в мыслях далеко от машины и тёплого раннего утра. Однако на мысли «А у нас вообще сносный улов был хоть раз?» Дорогенский вернулся на немного разваленное место справа от водителя. Последний был в коконе злости из-за нежелания двигаться туда, куда, собственно, лежал их путь. Они ехали за город к родителям братьев Антоновых.

«Конечно, этот вид из окна достоин фотографии. Да и лайков собрал бы порядочно».

Взглянув на человека слева, сыщик всё же решил, что не стоит.

«Уж больно горячий сейчас. Ох, уж эти итальянцы».

Если же копнуть глубже, то злоба Михаила Ивановича возникла из-за того, что мальчишка упрямится и не слушает советов старших. А вот нежелание представляло из себя уверенность, что мало того, что юный сыщик ищет то, чего нет, так ещё из-за этого родителям, убитым горем, придётся тратить силы и эмоции на бессмысленное общение с представителями правопорядка. Но в этом деле Дорогенский постепенно всё увереннее примерял на себя роль упрямого барана.

Приехав, они увидели обычный деревянный двухэтажный дом, низкий забор и открытую калитку. Когда зашли во двор, перед ними оказалась дворняга, которая встретила их не очень дружелюбно и очень громко, тем самым вызвав хозяев дома. Практически одновременно пришли пожилые мужчина и женщина, имевшие на теле характерные одеяния для дачи: спортивные костюмы. Причём мужик в руках держал кисточку для покраски дома, а женщина – лук с огорода. Этот факт насторожил обоих следователей и подарил потенциальную досаду старшему по возрасту.

Опасения подтвердились: родители не знали о случившемся.

Лёше пришлось дважды практически за 24 часа словесно приносить повестку от лица смерти. Правда, его вовсе не радовала 100% реализация. Причём настолько, что он не смог изучить реакцию родителей: парень невольно отвёл глаза.

«Щёлк – и вот уже мама в слезах, а отец растерян».

Сыщик увидел в своём воображении собственного отца, фирменно проводящего большим пальцем по безымянному.

«Интересно, как бы он отреагировал, если бы узнал подобное обо мне?»

Мать была убита горем и демонстрировала это на полную катушку, отец же изо всех сил старался успокаивать ее и завёл в дом. Когда они остались наедине, Стрелецкий спросил: – Доволен? – вопрос звучал весьма сурово.

Лёша, глядя успокоившуюся собаку, ответил:

– Ты так говоришь, будто я его убил. Почему Антонов не сказал родителям о смерти брата?

– Дюпен, угомонись! У тебя вообще сердце есть? – а этот вопрос звучал довольно громко.

– Есть. А ещё у меня есть дело, с которым нужно разобраться, – ответ был в разы тише.

– Дела у тебя, считай, нет. У тебя нет ни одной внятной и самодостаточной причины продолжить этот следовательский абсурд. А значит, сегодня всё закончится. И, слава Богу, – шагая туда-сюда, резюмировал усатый коллега.

Лёша в ответ подарил собеседнику лишь молчание в коробке из-под прогулки по кругу диаметром в три метра.

Спустя несколько минут, Стрелецкий спросил:

– Я не понял, ты, что ли, всё ещё хочешь поговорить с ними?

Несмотря на харизматичное молчание (здесь оно было лишь ширмой юного сыщика от внешнего мира), вся эта ситуация взяла в тиски молодого человека и грозный вопрос, заданный в практически риторическом тоне, был последней каплей. Не снимая ширмы, Лёша направился к машине. Но тут из дома вышел глава семейства. К счастью для юнца, мужчина не осознал передвижений сыщиков и сказал:

– Я так понимаю, вы хотите поговорить?

Эта фраза была маленьким лучом света в кромешной темноте очевидности. И Лёша решил смотреть на лучик в оба глаза.

Из беседы выяснилось, что родители всё же общались с погибшим. Реже, чем с Семёном, но общались. Оказалось, что жертва была в депрессии последние четыре месяца. Родители говорили с ним в последний раз за день до смерти. В этой беседе парень был очень эмоционален, извинялся за всё. Сказал, что постарается всё возместить и обеспечить им комфортное существование. Так же выяснилось, что братья нечасто общались между собой, чуть ли не реже чем сами родители с Женей. Лёша сообщил отцу, что его сын говорил иначе:

– Это похоже на Сёму. Он любит приврать, – пояснил Павел Викторович, – просто постыдился, видимо, вот и захотел приукрасить.

В ответ на это Стрелецкий понимающе кивал. Юный сыщик решил хвататься за всё, что можно, и выяснил, когда Семён летал в Египет и другие страны. Дорогенский рассказал Антонову старшему, что было известно, пытался убедить Павла Викторовича, что тут не так всё просто, и тонко агитировал его написать заявление в полицию. Но, услышав пропаганду версии об убийстве, Михаил Иванович вступил в беседу со смачной порцией контраргументов от лица здравого смысла и затем, положив руку на плечо Дорогенского, сказал:

– Нас вызывают в управление.

Он видел убитый вид Антонова, который был близок к тому, чтобы окончательно поплыть от симбиоза комплек-

са эмоций нечеловеческой силы и прямого потока неоднозначной информации, призывающих к действию. Отец ещё недавно двоих детей всего лишь хотел покрасить задний фасад дома в коричневый цвет, а в итоге в этот цвет окрасилось всё вокруг и явно не на один день. И всё же его хватило на то, чтобы последней фразой, услышанной следователями от пенсионера стала:

– Я подумаю. До свидания, – от этих слов слишком отчётливо веяло леденящим душу холодом и отчаянием.

Едва закрыв дверцу калитки, Стрелецкий сказал:

– Знаешь, я думал, что ты просто баран упрямый. Но ты пошёл ещё дальше, показав своим упрямством, кто ты есть на самом деле. Ты – придурок бессердечный, – после чего последовал хлопок двери машины.

«Как будто у него в голове существительное априори не может быть оскорбительным без прилагательного».

Конечно, подобные реплики всегда рождают в наших головах ответы, причём эти ответы с течением времени меняются от острых и эмоциональных до спокойных и нейтральных. Лёша знал это. Если кто-то стал заложником эмоций, то это не повод следовать такому примеру. Лёша понимал это. Родителям невероятно больно от факта смерти их детей, которые всегда будут маленькими цветочками радости и любви для отцов и матерей. Это невосполнимая утрата. Со смертью детей что-то умирает в их папе и маме. Лёша чувствовал это. Но эта смерть не случайна, за ней стоит кто-то и это точ-

но не невезение во время ночной пробежки, а значит, нужно этого «кого-то» найти, и нельзя терять ни одной возможности приблизиться к злодею, даже если из-за этого придётся вынуждать отца эмоционально напрягаться и подводить к нервному срыву. Лёша ощущал это. Но, что же он сказал? Ничего. Это ему виделось лишним. Что же он делал? Он ждал и предвкушал, ведь всего лишь через два часа Семён Антонов придёт на опознание. Но предстояли еще сорок минут ожидания под аккомпанемент ворчанья Стрелецкого и музыки по радио.

7

– Вы готовы? – спросил Иван Соломонович.

Антонов лишь кивнул. И, спустя несколько мгновений, он увидел лицо брата и как будто застыл.

Дорогенский намеренно прервал его:

– Это он?

– Да, да. Это он. Он как будто спит, товарищ следователь, – с небольшими паузами выдавил из себя Семён.

Товарищ следователь в ответ лишь дал немое указание судмедэксперту закрыть лицо жертвы.

Иван Соломонович на прощание посмотрел очень жалостливо и сочувствующе в глаза Антонова и похлопал по плечу.

«Надеюсь, и я смогу сопереживать другим после стольких смертей».

– Я бы вновь хотел задать вам пару вопросов, – на выходе из морга заявил Дорогенский.

Окинув взглядом не самое располагающее к диалогу помещение, брат жертвы спросил:

– Ох, здесь?

– Зачем же, поднимемся в мой кабинет, – указывая кистью направление, ответил сыщик.

– У вас есть свой кабинет? – Удивился Антонов.

– Я думаю, ваше удивление сойдёт на «нет», когда вы его увидите.

Особенность кабинета гость полностью прочувствовал на себе, так как расстояние между столами сыщиков было на полмиллиметра больше, чем длина согнутых коленей брата жертвы в купе со спинкой стула, предоставленного ему. Ощувив это сполна, Семён Павлович не стал таить чувства в себе, но позволил им выйти лишь в завуалированной форме:

– М-да уж, вы были правы.

– Извините за это, – внезапно для всех сказал Стрелецкий.

– Да ладно, в тесноте да не в обиде, как говорится, – ответил Антонов.

– Да нет, я вообще про ситуацию, – утомлённо ответил усатый коллега Лёши.

На это замечание Антонов обернулся, посмотрел в глаза Стрелецкого и слегка улыбнулся. Дорогенский, дабы не заострять внимания на этом, сразу же начал:

– Скажите, а почему Вы не сообщили родителям о случившемся?

– А вы откуда знаете? Вы говорили с ними? – подняв брови, спросил Семён.

– Да, ездил сегодня, – ожидая напряжённого момента, ответил следователь.

– Секундочку. И вы сказали им? – раскрыв широко глаза, спросил Антонов.

«Ну вот, начинается».

– Да, пришлось.

– Зачем?! Да и для чего вообще поехали к ним?! – положив кисти на стол, поднял тон голоса гость.

– Потому что я считаю, что за смертью вашего брата кто-то стоит, и пытаюсь собрать информацию из всех источников, – спокойно ответил Алексей.

– Ого. Но, похоже, вас в этом мнении мало кто поддерживает, – сказал Семён, оглянувшись на соседа, не стесняющегося натужно вздыхать и желавшего лишь бы поскорее это закончилось, дабы он смог поесть.

– И, тем не менее, за расследование отвечаю я и мне абсолютно всё равно, кто меня поддерживает в этом мнении, а кто нет.

– То есть вы от мнения людей не зависите, верно? – прищурившись, поинтересовался Антонов.

Пришла очередь вздохнуть Дорогенскому, после чего последовали слова:

– Семён Павлович, давайте сначала вы ответите на мои вопросы, а потом уже я на ваши. Так почему вы не сообщили родителям?

Сдержав недовольство, собеседник ответил:

– Почему-почему. Такое ведь по телефону не скажешь и через веб-камеру тоже не то. В такие моменты нужно рядом быть. А я вчера был убит этой внезапной новостью, не мог ехать куда-то. Хотел сегодня после того, как тело заберу.

– Семён Павлович, ваш отец сказал, что у вас с Евгением не было особой близости, – стараясь звучать как можно более холодным, произнёс молодой следователь.

Человек напротив глубоко вздохнул, затем опустил голову (насколько это ему позволял стол прямо перед ним), после чего ответил:

– Да, виноват. Соврал вам, просто... – тут он замолк на мгновение, – просто я как понял, что Жени больше нет, то сразу осознал насколько дерьмовым братом был и так стыдно стало, так противно... – на сей раз молчание было задуманным.

Стрелецкому вновь захотелось извиниться, но вместо этого он просто смотрел на юного коллегу, как на педофила с 30-летним стажем. Но объект его взора и не думал останавливаться:

– Родители говорили вам о звонке Евгения?

– О-о-ох. Вы и про это в курсе, – положив кисти на заты-

лок, ответил Антонов.

– Значит говорили, Вы пытались связаться?

– Да, он не брал трубку, – напряжённо пояснил Семён.

«Похоже, придётся давить сильнее».

– И проведать его вы не посчитали нужным? – Быстро озвучил вопрос парень.

– Я хотел это сделать на следующий день, – тон его всё больше походил на грозный.

«Надо же тебя как-то вывести хоть немного. Только так ты можешь что-то сказать».

– Ясно. Скажите, кончина брата была для вас совсем неожиданной?

– А что, я, по-вашему, должен каждый день ожидать кончины брата? – это уже определённо был грозный тон.

– Нет, но, – начал говорить юный сыщик, однако внезапно Семён снова взял пальму первенства в беседе в свои руки, а точнее – рот:

– Постойте. Вы что думаете? Вы, думаете, это я убил Женю?! – изумлённо воскликнул Антонов.

– Нет, – Лёша был олицетворением спокойствия, жалко только, что у его соседей по недокабинету были другие роли. Стрелецкий всё сильнее демонстрировал стыд. Хотя и о голоде забывать не стоит. А вот с Антоновым сложнее: что же он думает, что он чувствует? Комплекс эмоций, впрочем, имел право на существование, но Дорогенский во всё всматривался и во всём искал либо ответ, либо подтверждение

СВОИХ ОТВЕТОВ.

– А что тогда?! – Градус напряжения неизменно шёл вверх.

– Я это к тому, что у вашего брата была депрессия четыре месяца, но вы почему-то об этом тоже ничего не сказали, хотя между ней, звонком родителям и смерти определённо есть связь. И вообще, к чему столько экспрессии? – вопрос был задан в качестве провокации.

– Столько экспрессии? Посмотрел бы я на вас в моей ситуации. Не сказал я, потому что по вашему описанию это вообще не похоже на самоубийство. Так зачем говорить лишний раз? Гордиться-то тут нечем особо, – говоря эти слова, Антонов успокаивал себя и достиг в этом деле успеха.

«Нет-нет, не приходи в себя так быстро».

– Но я же спрашивал у вас, – положив локти на стол и опершись подбородком на кисти, отметил Лёша.

– Вы спросили, не видел ли я чего-то необычного в последнее время. А оно у каждого своё, – на лице Семёна от улыбки вот уже семь минут не оставалось ни следа.

– Я не думал, что вы запоминали такие подробности. Запомнить такую мелочь в шоковом состоянии – удивительно, – Дорогенский явно давил. У него не было выбора. Никаких явных зацепок хоть за что-то, нет. И вариант «принять и успокоиться» он в упор не видел.

Антонов взгляделся в глаза напротив:

– Знаете, у меня ощущение, будто я иду по минному по-

лю при разговоре с вами. И, как мне кажется, это было бы уместно на допросе. Но разве это допрос?

– В том и дело, что нет. И поэтому вы имеете полное право покинуть этот кабинет, – ремарка Михаила Ивановича была так внезапна и звонко подана его голосовыми связками, что её эффекта хватило бы на смиренный и молчаливый вылет пульей десятерых школьников после звонка с урока. Дорогенский даже опешил от такого поворота, хотя во многом он был весьма предсказуем.

«Итальяшка, что же ты никак не угомонишься».

– Пожалуй, вы правы, а то мне что-то поплохело совсем.

После этих слов гость довольно быстро попрощался и вышел. Около десяти секунд Дорогенский переводил взгляд то на лицо соседа, то на дверь. Но вдруг встал и выбежал из кабинета. Резко и внезапно для себя самого, оставшись единственным живым существом в кабинете, Стрелецкий крикнул вдогонку молодому коллеге:

– Лучше бы этот Антонов врезал тебе. Может, хоть так в себя придёшь, – и достал пластиковую коробку. Обед же!

А сыщик хотел поравняться скоростями с Семёном, однако параллельно следовательскому бегу кто-то кому-то крикнул (вероятнее всего кричали Игорю): «Игорь! Твою ж мать!»

Затем Семён резко прекратил свой ход, а этого юный сыщик никак не мог это предвидеть и вынужден был тормозить о спину своего крайнего собеседника. На удивление пострада-

давший от неумышленного побега отреагировал абсолютно спокойно:

– Вах! Вы уже решили в атаку пойти, – усмехнулся Антонов.

«Опять этот резкий переход от ярких эмоций к умиротворению».

– Извините, я просто не ожидал, что вы остановитесь.

Обычно в беседах эта фраза подразумевает в переводе на спокойный язык: «Чего же ты остановился?». Семён же либо этого не понял, либо не посчитал нужным объясняться. Алексей наверняка бы задал этот вопрос, если бы у него перед глазами не стоял другой, куда более важный, потому как он был полон уверенности, что сейчас подаст ложку дёгтя своему собеседнику:

– Последний момент, требующий прояснения. Когда вы ездили в Египет в последний раз? – с яркой искрой в глазах произнёс Дорогенский.

Антонов улыбнулся и ответил:

– Мой ответ совпадает с тем, что вам сказали родители. В июне двадцать третьего.

Искра сильно ударилась «головой». Пошла кровь, сотрясение «мозга» и полная дезориентация в пространстве.

– И я сразу удовлетворю ваше любопытство, – ехидно продолжил Антонов, – в апреле двадцать второго – Испания. А в июле двадцатого и октября двадцать четвёртого – Болгария.

Искра ничего не сообщала, но увидела перед собой доктора, который сообщил, что у неё рак печени, лёгких и поджелудочной в купе со СПИДом и сифилисом четвёртой стадии. И ещё подозрение на аппендицит.

– Ах, да. И в прошлом году ездил с коллегами на Багамы.

Искра сдохла. На неё упал рояль.

– Ну что ж, похоже, на этом всё. Извините, но на похороны не приглашаю. И, думаю, мои родители будут со мной солидарны.

После этих слов Антонов протянул руку оцепеневшему Дорогенскому. Последний всё так же в голове искал зацепку, но безрезультатно. Он всё ещё был внешне спокоен, но это лишь до одной капли, а в таком состоянии всё может стать ею. Он пожал руку и сказал:

– Знаете, что погубит человека? – прозвучало самым серьёзным тоном из всех, что мог издать он, но это только подстегнуло Антонова.

– Скидки в фаст-фудах?

Эта реплика безоговорочно выиграла в конкурсе «Унижение над морально павшими». Жюри в лице юного сыщика единогласно признало её лучшей последней каплей. Лёша сорвался. Для своих границ, разумеется. Он резко подтянул Антонова за кисть к себе так близко, что можно было подумать, глядя на них, что это страстный гей-союз.

– Мнение, что он самый умный.

Они оба смотрели в глаза друг другу. И Дорогенский уви-

дел этот взгляд. Глаза напротив на одну единственную секунду излучили тревогу. Однако её было достаточно, чтобы убедить парня во всём. За своё упрямство сыщик получил ответ:

– Следует помнить, что мы оба люди. Впрочем, в данный момент времени у меня для вас другая мудрость и, надеюсь, иной не понадобится: меньше знаешь, крепче спишь. И не увлекайтесь работой. Она может дорого стоить.

Сказав это, Антонов выдернул свою руку и произнёс:

– До свидания, Алексей Сергеевич, – после чего направился к выходу.

Алексей Сергеевич же смотрел ему в след и ощущал в полной мере свою правоту. Он не ошибался, он увидел, он был прав. Тайна обрела форму, обрела хранителя и познакомилась в лицо со своим супостатом. И пускай хранитель с каждым шагом удаляется, тайна не уйдёт. Она здесь, в головушке и она будет раскрыта.

«А ведь люди говорили... Да, они вообще любят болтать, и ты ещё дурак, ведь сам порой сомневался. Ты же чувствовал. Будь верен чутью. Ты был прав, а значит ты не больной придурок, не чокнутый и ты не сошёл с ума. По крайней мере, пока».

8

Скорее всего, большинство людей не очень любит бить

кулаками в стенку. Но всё же делают это, правда не все, и всё из-за вспыльчивости и каких-то событий, вызвавших сильные эмоции. В итоге, это мощное соединение знакомится с кулаками и направляет их прямо или под углом (это уже именуется хуком) в вертикальную поверхность.

Но следователь пошёл дальше и делал это намеренно, храня надежду разбить-таки стенку. Конечно, не в прямом смысле он наносил удары, иначе мнение его коллеги по кабинету о Дорогенском упало бы так низко, что было бы рядом с ядром Земли. Как, впрочем, и других коллег. Роль кулаков исполняли аргументы, доводы, толкования некоторых фактов и предположения. Стенку же олицетворял начальник управления Дорогенский Дмитрий Викторович.

Димон, как его именовали за спиной, справлялся с этой ролью блистательно, так как с каждой секундой всё сильнее убеждал парня в тщетности юношеских попыток. Просто дядя был человеком очень деловым и серьёзным и, если выдать юнцу кабинет по тайной просьбе всей семьи, – это еще куда не шло, то вот доверять каким-то бредням молодого мозга было вне полковничьего понимания. Правда потенциальный старец пытался, даже смог прийти к компромиссу в виде согласия на рассмотрение заявления об убийстве, если такое поступит.

Однако спустя пару минут всё ещё радостный Лёша услышал в трубке отказ Антонова-старшего и множество гудков. Итог был печальный для юного сыщика, из-за чего он задум-

чиво растворился в стуле.

Параллельно, будто бы на заднем фоне его уши слышали телефонную беседу Стрелецкого с дочкой. Она видимо уговаривала его купить что-то, он же нарочито серьёзным тоном отбивался от этого, но в итоге уступил. К тому же Михаил Иванович под конец беседы вышел из кабинета, там его тон стал ещё мягче, а в завершение даже прозвучало «Пока, солнышко». После этого коллега вернулся, внимательно посмотрел на юношу – не услышал ли тот чего. Лёша, конечно же, услышал, но виду не подал, а лишь продолжил обдумывать всё, что имелось по его первому делу.

Спустя некоторое время, когда количество населения в кабинете сократилось вдвое, а рабочий день уже десять минут как закончился, зашёл Никита.

– Домой собираешься? – оглядывая кабинет, спросил гость, причём даже не скрывая на лице мыслей о просторности помещения.

– Да, вслед за Итальяшкой, – отвлечённо ответил Алексей.

– Кем-кем? – усмехнувшись, поинтересовался парень.

Сыщик же безмолвно смотрел в сторону окна, медленно ведя пальцами правой руки по столу.

Никита в свою очередь решил контактировать с мебелью другим местом и присел, затем щелкнул пальцами перед глазами Лёши, тем самым возвращая его из абстрактных долин размышлений, и сказал:

– Ты – тут вообще?

Алексею на секунду показалось, что это сделал его отец, но очистив голову от этой картины и сконцентрировавшись на собеседнике, бегло ответил:

– Да, просто задумался.

– Я, конечно, понимаю, что кабинет не люкс пятизвёздочного отеля, но из-за него не стоит так удаляться от реальности. А то даже какие-то итальянцы тебе мерещатся, – с улыбкой сказал Никита, попытавшись окунуть беседу в более лёгкие тона. Попытка была успешной.

После того, как криминалисту было разъяснено, при чём тут итальянцы, Дорогенский спросил:

– Ты с предложением прогуляться, да?

– Именно, – преобразовав кисть в форму пистолета и указывая на собеседника, ответил Ник.

«Никитос сменил одеколон, можно дышать спокойно. Хорошо, что не пришлось ему на это указывать».

Собирая вещи и ища ключи, Лёша продолжил беседу:

– Честно говоря, я думал, что ты зайдёшь вчера.

– Была такая мысль, но спонтанность моих родителей погубила возможность нашей встречи.

– Дай угадаю. Что-нибудь вроде внезапного ужина по случаю того, что они заскочили за тобой? – ключи играли в партизан.

«Как можно в таком маленьком помещении хоть что-нибудь потерять из виду?»

– Мимо, гражданин следователь! Всё дело в ламинате.

– Они спонтанно захотели поговорить с тобой о ламинате? – бренча находкой, спросил сыщик.

– Скромное твоё мнение о моих способностях хранителя очага. Схема такая: они спонтанно решили обновить ламинат, так как старый совсем потрескался. Но когда отец с юношеским задором принялся реализовывать задуманное, его подвело пенсионное тело, а именно – спина. В виду этого в данной истории обрёл место телефонный звонок, а затем ваш покорный слуга украсил все эти действия своим участием, – закончив этот рассказ, он поклонился.

Посмеявшись, Лёша резюмировал:

– Ну и шут же ты, – спустя секунду добавив, – в хорошем смысле этого слова, разумеется.

– Если это подведённый итог, то прошу отметить, что также умею класть ламинат, – добавил Ник, улыбаясь.

– Хорошо, это тоже занесено в протокол.

Когда вслух произносились эти части беседы, их могли услышать прохожие, потому что она уже велась вне управления, и в пандане с жёлто-оранжевыми лучами солнца и лёгким ветерком.

– Как, кстати, продвигается дело? – поинтересовался Никита.

– Ну, как тебе сказать. Лучше, чем могло бы, но хуже, чем я того бы хотел.

– Не убедил ты дядю, видимо, – тихо отметил Скворцов.

– Да я даже Стрелецкого не убедил.

– Ну, этот не в счёт. Для убеждения нужно, чтобы на тебе концентрировались, а в тебе слишком мало спирта для его внимания, – пояснил криминалист.

– Тогда если я напьюсь в драбадан, то он меня очень внимательно выслушает? – усмехаясь, рассуждал следователь.

Скворцов посмеялся, а это бывает нечасто. Его смех вынудил Лёшу даже немного погордиться своим чувством юмора.

– Ну, а кого-нибудь получилось убедить? – вернулся к деловой нити разговора Никита.

– Да, себя, – и после небольшой паузы Дорогенский добавил, – а это самое главное сейчас.

– Что тебя убедило?

– Семён Антонов собственной персоной, а точнее его поведение и высказывания.

– Ну-ка, ну-ка! – тон голоса Скворцова недвусмысленно давал понять, что коллега явно не ожидал такого поворота событий.

Лёша описал сцену, произошедшую после неофициального допроса, и резюмировал этой фразой:

– Выходит, он что-то скрывает. А значит, я был прав, – и посмотрел на своего слушателя в поисках реакции.

– Похоже на то, – задумчиво ответил Скворцов.

Услышав это, Лёша с искрой в глазах сказал:

– Ну вот. Значит двое убеждённых за один день! Неплохо!

– Странно видеть тебя радостным, – этот ответ был на-

столько неожиданным для Лёши, что он в начале предположил, будто Ник говорит сам с собой, потом, что он сам что-то прослушал, а после решил не демонстрировать эти предположения и задал вполне логичный вопрос:

– Почему?

– Ты говорил как-то, да и я подмечал про себя, что если загорелся чем-то, то пока это дело не дойдёт до финальной стадии, ты не успокоишься, – пояснил криминалист.

– А-а-а, ты об этом. Так и есть, но я работаю над собой в этом плане, да и плюс сейчас я просто рад, что оказался прав, а не попросту высасываю из пальца два дня подряд поводы для подозрений и косых взглядов в сторону абсолютно невиновного парня, – удовлетворенность сыщика собой была видна невооруженным взглядом.

– Думаешь, виновен?

– Думаю, причастен, – задумавшись на миг, Лёша изменил позицию, – хотя нет, он в любом случае причастен, это точно.

– А коль причастен, то уже виновен, – показательно разведя руки на первой части фразы и хлопнув в ладоши на второй, ответил криминалист.

– Вот видишь, и зачем тебе собеседник? – на мажорной ноте завершил эту тему Лёша.

Но тема должна закончиться по обоюдному согласию (если только вы не в армии), и посему до завершения ещё была пара реплик:

– Тогда выходит, что это, скорее всего, инсценировка.

Алексей кивнул.

– М-да, уж. Какую причину для этого не представляю в своей голове – ничего не кажется логичным.

– Тем интереснее, – заинтересовано парировал следователь.

– И тем легче чокнуться, – со вздохом подметил Ник.

Дорогенский молча воспринял эту драматическую вставку и залюбовался летним вечером. Было уже полшестого, а так светло. Но так категорично это время можно воспринимать, только вспоминая лето в холодную зимнюю пору. За жаркий июнь и половину такого же июля, это успело приесться и казалось обыденным.

Коллеги шли по узкой тихой улице меж небольших домов. Из людей им попадались только проезжающие водители на своих железных конях. И даже если машина была примерно два метра в ширину и длину (в автомобильном обществе подобные средства передвижения обладали бы почётным статусом букашки), то благодаря узкой дороге она невольно превращалась в глазах пешеходов в пони. Вполне вероятно, водители знали это и нагло эксплуатировали несчастные умы ни в чём неповинных прохожих контрастом размеров. Ну, а что ты сделаешь, надо же как-то самоутверждаться ребятам.

Из людей на улице были все главные лица фразеологизма «старый, что малый». Первые либо уверенно сидели на скамейке, либо не спеша и вальяжно выгуливали домашних пи-

томцев в скверах, благо последних было предостаточно. Вторые же либо просто бегали вдоль улиц, либо играли на детской площадке. И их тоже было в достатке на пути юного сыщика к дому.

Оглядываясь вокруг и пропуская сквозь себя весь чарующий аромат лета, наполняясь лёгкостью в душе и с улыбкой на лице, Лёша увидел десяток детишек, сидящих на скамейке и что-то увлечённо обсуждающих. Причём один из них встал перед остальными детьми и начал о чём-то эмоционально вещать.

«Похоже это лидер».

В нём парень узнал совсем юного сыщика в собственном облики. И его поразило одно наблюдение и мысль, к которой сам же Алексей пришёл.

«Все эти малолетние слушатели ощущают своё место в этой маленькой иерархии и, во многом благодаря поведению главаря. Они смотрят на него, и им кажется, что мальчик крутой по каким-то там разным причинам, что он знает больше их, парень уверен в себе, он нужен им, а ему они сами до лампочки. Не все, конечно, но те, что на последних ролях – точно».

На пару секунд Дорогенский отвлёкся на лабрадора, с задором пробежавшего за деревянной палкой в двух метрах левее. Насладившись зрелищем, он вернулся к своим мыслям.

«И ведь вот в чём штука: они нужны лидеру не меньше,

а может даже больше. И это даже на центровом мальчишке видно: он ведь смотрит на каждого, следит за реакцией всех, парнишка хочет, чтобы его слушали и чем больше, тем лучше. И эта банда – это не то, что пришло к нему само, как умирающая от скуки кошка, это то, чего мальчик хотел, это то, что он сплотил намеренно. Ему нужна эта банда ради самого же себя, дабы быть значимым, дабы быть сильнее, смелее и, конечно же, круче. И тогда получается, что он ничем не лучше ребят напротив него. Но это ещё полбеды. Вторая половина в том, что он из-за этого возможно ещё и хуже их. Он ещё слабее, он ещё более зависим, чем они думают, и чем они сами. Сознать себя мальчишкой, имея образование, работу и жену с сыном, – вот это настоящий тормоз», – с лёгким налётом грусти подумал Лёша.

Но размышления на тему «осознай себя в возрасте 9—14 лет» были не долгими, потому как были биты эмоциональной составляющей – воспоминаниями о том, как всё было беззаботно, как всё было ярко и как всё было легко. Никакой сложности ни с определением себя, ни во взаимоотношениях с родителями, разве только сложность с ожиданием какого-либо журнала или книги, ну, и, конечно, чего-нибудь вкусенького вечером в пятницу от мамы.

Помимо этого, конечно, случались и конфликты с коллегами по детскому и отроческому цеху, но раскрывающийся темперамент и тот факт, что Алёша был из религиозной семьи, не позволял словесные соревнования с целью выяс-

нить, кто круче, превратить в кулачные. Вспоминая это время, Алёша незаметно для себя улыбался так широко, что некоторые клоуны могли впасть в депрессию из-за самобичевания.

Никита тоже увидел это, но решил никак не комментировать, ему хотелось говорить, но не хотелось начинать самому какую-либо тему. Дорогенский же, закончив процесс ностальгии мыслью: «Немного жаль, что папа так и не смог реализовать обещание», решил зачесть беседу, но от того, что не знал точно, сколько времени она уже мертва, попробовал с нейтральной спички:

– Лето прекрасно. Хотя каждая пора года хороша по-своему.

Собеседник как будто не услышал, тогда была попытка поджога со старой:

– В конечном итоге надо выяснить, что Антонов скрывает. Скворцов обработал фразу и выдал:

– Ну, кто ищет, тот всегда найдёт.

Услышав это, Лёша посмотрел собеседнику в глаза с удивлением и недоумением.

– Непривычно слышать цитаты из Библии от атеиста.

– Я тебе, по-моему, уже говорил, что не отношу себя к атеистам.

– Да, точно. Вылетело из головы, ты агностик, извини, – слово на «а» сыщик произнёс так нежно, будто оно могло поранить его рот.

В ответ Никита лишь кивнул. Однако спустя минуту, как будто уложив морально вторую половину внутреннего я, он спросил:

– Лёша, у тебя же вот, наверное, были кризисы веры? Какая мысль тебя в итоге возвращала в верующую струю, если можно так выразиться?

Сыщик задумался, но, заставив зрачки побегать из стороны в сторону секунд тридцать, дал ответ:

– Видишь вот этот ларёк? – указывая правой рукой на небольшой прямоугольник, переполненный охлаждаемыми напитками, сигаретами, сладкими батончиками и прочей всячиной, спросил Алексей.

– Да, – немного удивлённо произнёс Скворцов.

– Ну, вот его кто-то когда-то задумал, затем потратил силы, энергию, деньги, время и открыл, отстояв в нужных очередях, получив необходимые разрешения, закупив продукты и либо самостоятельно сев внутрь, либо наняв ещё работника, – взглянув пристально в глаза напротив, Лёша сменил вектор речи, – понимаешь, о чём я?

Криминалист жестом показал, что ждёт полных разъяснений от собеседника.

– То есть столько людей, вещей, времени, энергии стоит за обычным ларьком. Так неужели за создание и работу целой вселенной ничто не ответственно? – довольствуясь собой, закончил сыщик.

– Ну, так может это нам пока что неизвестно. Наука воз-

можно в будущем даст ответ, – довольно быстро отреагировал Ник, обходя лужу на земле.

– Ты не путай, наука отвечает на вопрос «как?» или же «почему?» в значении «каким образом?», но она не отвечает на вопрос «зачем?», «почему именно так, а не иначе?» – уверенно парировал Дорогенский. – Вера никогда и не пыталась объяснить почему идёт дождь, или тот факт, что Земля в центре Вселенной. Эта часть людей, представляющая её, порой путается в понятиях. А вера объясняет, зачем мы здесь, кто мы, и как мы можем себя вести. Это совсем разные вопросы.

– Откуда же тогда эти разногласия между самими верующими? – на удивление быстро задавал новые вопросы Никита.

– Хм, – Лёша вздохнул. – Да оттуда же, откуда и все конфликты верующих против науки и очевидности, будь то некогда непринятие положения Земли во Вселенной или же отсутствия на небе кого-либо. От глупости всё, поверь, далеко не все те верующие, что называют и даже считают себя таковыми. Не стремятся к миру в душе, да и вообще Бог – это абсолют, а человек слишком субъективен, чтобы воспринять его полностью. Вот от того и разделения, кто что видит более важным, кто менее. Многие идут на попятную у своего Я, стремясь обозначить свой взгляд, а не ища общего с другими, – касаясь рукой веток стоящих рядом деревьев, пояснил Алексей.

Никита молчал, обдумывая услышанное. И поняв, что думать над этим он будет ещё долго и позднее, спросил:

– А может мы все лишь животные с претензией на жизнь?

– Если так, то я хочу быть собакой, – несерьёзно ответил сыщик.

Скворцова ответ немного огорчил, однако он не показал этого. А огорчила реплика потому, что криминалисту нравились беседы, когда один укутывался в мантию всезнайки, а второй был убеждён, что мантия – лишь фикция.

Оставалось пути ещё с десяток минут, и на беседу в это время ребята повесили табличку «светская».

9

В голове у Лёши этот день останется в памяти как день его мечтательного триумфа в тёмном деле, также он окрестил эти сутки ностальгическими, но такое название через некоторое время останется в глубинах памяти. Ностальгическим его сначала сделал быт в косвенной форме – компания детей на улице, а в прямой – разбор чулана дома.

Второе наступило естественно не без напоминания Светы (впрочем, никого в семье это не удивило), и оно же подарило юному сыщику цунами воспоминаний. Школьный альбом, военный билет, плакаты из видеоигр и с героями фильмов, керамическая фигурка собаки (выиграл на каком-то конкурсе в школе), некоторые книги, парочка кепок, потому что он

очень любил их в отрочестве и тому подобное – в общем, самая настоящая тяжёлая артиллерия, которая плёвое пятнадцатиминутное дело увеличила практически втрое.

И когда уже всё было сделано, и Лёша решил сообщить о своём успехе чуть-чуть и много о своей ностальгии, выяснилось, что практически миротворческая миссия против бардака ещё не закончилась:

– Я всё, – ёмко поведал он.

– Хорошо. Ой, тогда положи, пожалуйста, ещё вот это, – сказала жена, передавая ему журнал.

– Я думал, что они все были в одной стопке.

– Так и было, но я увидела обложку и заинтересовалась главной статьёй о бозоне Хиггса⁴.

– Охх, и как? Выспалась? – с улыбкой спросил он.

Она же, не растерявшись, сказала:

– Знаешь, смех продлевает жизнь тем, кто смеётся, но не тем, кто острит.

Молодой супруг не намеревался уделять много времени журналу, но увидев дату: июль 2012, он вспомнил тот день, когда это печатное издание, ярко пахнущее чернилами, прямиком из типографии принёс его отец. И именно из-за того, что сыщик уже вспоминал одно событие из этого дня пару часов назад, юноше стало любопытно. Впрочем, оно явля-

⁴ Бозон Хиггса – элементарная частица (бозон), квант поля Хиггса, с необходимостью возникающая в Стандартной модели физики элементарных частиц вследствие хиггсовского механизма спонтанного нарушения электрослабой симметрии.

лось банальным выяснением «чей двор круче» на футбольном поле. Хотя его команде и не удалось стать официально крутой, он забил гол через себя прямо в девятку (по крайней мере, сейчас ему в голове рисовалось именно такое направление мяча), поэтому дальнейшая часть дня для двенадцатилетнего мальчишки была великолепной заочно.

И вот будучи в этом море ностальгии, его мозг стремился выхватывать любые эмоциональные кусочки из пережитого бытия. Поэтому Лёша вспомнил, что в гостях тем днём четырнадцатилетней давности не было ничего особенного, но его поразил новый телевизор в семье брата отца и ещё что-то, связанное с журналом.

«Что-то непростое. Что-то неоднозначное».

Как всегда, загоревшись, наш юный сыщик стал искать. Тяжело же разбирать четырнадцатилетние стенки лабиринта памяти (легче, чем вспомнить, что снилось, конечно, но ненамного). В итоге Дорогенский выдал из себя область поиска, звучащую как «что-то из медицины». Благо этот раздел занимал всего страниц двадцать, Алексей быстро нашёл нужную статью.

Статья называлась «Эй, наука, может, хватит?» В ней рассказывалось о технологии пересадки мозга из одного тела в другое с размышлениями на тему того: можно ли допускать такое? Прочитав, он, в отличие от двенадцатилетнего мальчишки, знал ответ.

«Это недопустимо. Странно, что они вообще спорили из-

за этого. Бог, создавая нас, награждает временем. Нельзя пытаться обхитрить Его. Да и потом, тело же должно быть молодым, то есть, чтобы никого не убивать, это нужно брать только тех людей, у которых опухоли мозга. Да и то, это же получается, что нужно следить и выжидать их смерть, потому как операцию можно провести только в первые три часа. Выходит, что руки в любом случае нужно замарать, так как придётся убить нарочно».

Ответа не последовало, но вместо него прибежал двухлетний карапуз и серьёзно сообщил:

– Та ности.

Сынишка говорил это часто, поэтому Лёша понял, о чём он и, взяв маленького глашатая на руки, пошёл в зал, дабы посмотреть вечерний выпуск новостей. Чем старше Алексей становился, тем больше зритель в нём видел смысл только в новостях. Ну и в кино ещё, но всё же сначала новости, а потом кино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.